

КЛАССИЧЕСКИЕ ТИПЫ КОЛЛИЗИОННЫХ ПРИВЯЗОК

Наталья Байбороша

В настоящее время существует значительное количество типов коллизионных привязок. Большинство из них стало формироваться с момента возникновения международного частного права (далее — МЧП). Такие формулы прикрепления, как личный закон физического лица (*lex personalis*); личный закон юридического лица (*lex societatis*); закон места нахождения вещи (*lex rei sitae*); закон, избранный сторонами правоотношения (*lex voluntatis*); закон страны продавца (*lex venditoris*); закон места совершения акта (*lex loci actus*) в форме закона места заключения сделки (*lex loci contractus*), закона места исполнения обязательства (*lex loci solutionis*), закона места совершения брака (*lex loci celebrationis*) и закона места причинения вреда (*lex loci delicti commissi*); закон места работы (*lex loci laboris*); закон флага (*lex flagi*); закон страны суда (*lex fori*) и закон, регулирующий существо отношений (*lex causae*), получили широкое распространение в национальном и международном законодательстве и по праву стали именоваться классическими. Некоторые коллизионные привязки, в частности *lex monetae*, не выдержали испытания временем и практически не используются в праве зарубежных государств.

На сегодняшний день в отечественной и зарубежной доктрине вопросы, связанные с комплексным рассмотрением основных типов коллизионных привязок на примере новейших нормативных правовых актов по МЧП, исследованы фрагментарно, что подтверждает практическую значимость работы. Тем не менее, рассматриваемая проблематика освещена в трудах В. П. Звезкова [8; 9], В. А. Канашевского [10], Е. Б. Леонович [15], В. Л. Толстых [21].

Целью настоящей статьи является определение места классических типов коллизионных привязок в современном МЧП, выявление оптимального подхода к применению отдельных формул прикрепления с учетом их возможной модификации, а также выработка предложений по совершенствованию отечественного законодательства.

Личный закон физического лица (*lex personalis*) — формула прикрепления, которая применяется для определения права, регулирующего право- и дееспособность физических лиц, вопросы личных прав (права на имя, честь), а также права физических лиц в сфере брачно-

семейных и наследственных отношений. Личный закон физического лица может быть представлен в виде закона гражданства (*lex patriae, lex nationalis*), действующего в большинстве стран Европы, некоторых латиноамериканских (Куба, Панама) и арабских (Алжир, Египет) государствах, или закона постоянного места жительства (*lex domicilii*), который имеет место в странах общего права, ряде латиноамериканских стран (Аргентина, Венесуэла), а также Норвегии, Дании и Исландии [10, с. 90; 16, с. 126; 19].

В настоящее время прослеживается тенденция к возникновению смешанной системы личного закона в зависимости от статуса физического лица. В большинстве гражданских кодексов (далее — ГК) стран СНГ личным законом физического лица является право государства, гражданином которого это лицо является; для лица без гражданства — право государства, в котором это лицо постоянно проживает; беженца — право государства, предоставившего убежище (ст. 1103 ГК Беларуси [1], ст. 1094 ГК Казахстана [2], ст. 1200 ГК Таджикистана [5], ст. 1195 ГК Российской Федерации [6]). Личный закон физического лица, имеющего два и более гражданства, по-разному регулируется в национальном праве государств — участников СНГ. Например, согласно части 4 статьи 1195 ГК Российской Федерации, пункту 1 статьи 1200 ГК Таджикистана при наличии у лица нескольких иностранных гражданств личным законом считается право страны, в которой это лицо имеет место жительства. В соответствии с частью 1 статьи 1177 ГК Кыргызстана [3], статьей 9.1 Закона Азербайджана о МЧП [17], частью 2 статьи 16 Закона Украины о МЧП [18] личным законом лица, которое имеет два и более гражданства, является право государства, с которым лицо наиболее тесно связано. Пункт 1 статьи 1103 ГК Беларуси дифференцирует данную норму, устанавливая, что если лицо наряду с гражданством Республики Беларусь имеет гражданство (подданство) двух или более иностранных государств, его личным законом считается право Республики Беларусь. Представляется, что подход, закрепленный в праве Азербайджана, Кыргызстана и Украины, с уточнениями Беларуси является наиболее оптимальным, так как во внимание принимается объективная реальность — наличие связи лица с конкретным государством.

Автор:

Байбороша Наталья Сергеевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Бабкина Елена Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Шакель Надежда Валентиновна — кандидат юридических наук, помощник директора Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

При этом могут учитываться такие факторы, как постоянное место жительства или осуществление основной деятельности на территории определенной страны. Смешанная система закона физического лица, также используемая в международных конвенциях (ст. 23 Минской конвенции [12] и ст. 26 Кишиневской конвенции [13]), является, на наш взгляд, современной тенденцией в развитии МЧП.

Представляется, что принцип гражданства является более стабильным, поскольку гражданство может быть точно определено (исключение составляют апатриды и бипатриды) и не может быть изменено без ведома государства, гражданином которого является лицо. В свою очередь, закон домицилия отражает реальную связь лица с государством, на территории которого он имеет постоянное место жительства (особую актуальность закон домицилия приобретает в случае, когда иностранное лицо длительное время проживает на территории иностранного государства и не имеет намерения возвращаться на родину). В то же время недостаток закона домицилия — сложность его определения (необходимо отличать от простого местопребывания), а также возможность использования механизма обхода закона (домицилий изменить значительно легче, чем гражданство).

В ряде зарубежных государств законодательно закреплены *изъятия из сферы применения личного закона* физического лица. *Гражданская дееспособность физического лица в отношении сделок и обязательств, возникающих вследствие причинения вреда*, регулируется, как правило, двусторонней коллизионной привязкой — правом страны места совершения сделок или возникновения обязательств из причинения вреда (п. 3 ст. 1095 ГК Казахстана, п. 3 ст. 1201 ГК Таджикистана). В Беларуси имеет место односторонняя формула прикрепления — пункт 3 статьи 1104 ГК. Считаем, рассматриваемое изъятие целесообразно либо регулировать двусторонней коллизионной привязкой, либо от него отказаться, лишь указав по примеру ГК РФ (п. 2 ст. 1197), что физическое лицо, не обладающее гражданской дееспособностью по своему личному закону, не вправе ссылаться на отсутствие у него дееспособности, если оно является дееспособным по праву места совершения сделки. *Способность физического лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, быть индивидуальным предпринимателем и иметь связанные с этим права и обязанности* регламентируется правом страны, где физическое лицо зарегистрировано в качестве индивидуального предпринимателя, а при отсутствии страны регистрации применяется право страны основного места осуществления индивидуальной предпринимательской деятельности (п. 4 ст. 1104 ГК Беларуси, п. 4 ст. 1095 ГК Казахстана, п. 4 ст. 1201 ГК Таджикистана). *К признанию физического лица недееспособным или ограниченно дееспособным, безвестно отсутствующим или умер-*

шим применяется lex fori (п. 5 ст. 1104 ГК Беларуси, п. 5 ст. 1095 ГК Казахстана, п. 6 ст. 1201 ГК Таджикистана).

Личный закон юридического лица (*lex societatis*) — формула прикрепления, которая определяет вопросы личного статуса, организационно-правовой формы, объема правоспособности юридического лица, порядка регистрации и ликвидации юридического лица, требования к наименованию юридического лица. Принято выделять *четыре теории определения личного закона юридического лица*: инкорпорации, оседлости, центра эксплуатации и контроля.

Теория инкорпорации, или учреждения юридического лица, характерна для ряда государств континентальной Европы, среди которых Беларусь (ст. 1111 ГК), Казахстан (ст. 1100 ГК), Молдова (ст. 1596 ГК [4]), Таджикистан (ст. 1206 ГК), стран общего права, а также некоторых государств Латинской Америки (Бразилия, Венесуэла) [см.: 9, с. 275]. Закон инкорпорации определяется по праву страны, где учреждено юридическое лицо. Данный критерий удобен в применении, поскольку у юридического лица может быть только одно место регистрации, которое легко установить. Недостатком является возможность применения обхода закона при поиске более благоприятного места для регистрации (а затем и осуществления деятельности) юридического лица.

Закон инкорпорации также действует в отношении транснациональных корпораций. Согласно Конвенции СНГ 1998 г. о транснациональных корпорациях [14], порядок регистрации (ст. 4), структура управления (ст. 6), представление отчетности корпорации (ст. 10), порядок ликвидации (ст. 10) определяются по праву страны места регистрации корпорации. В пункте 3 статьи 23 Минской конвенции, пункте 3 статьи 26 Кишиневской конвенции, пункте а статьи 11 Киевского соглашения 1992 г. [20] также используется данная формула прикрепления в отношении правоспособности юридического лица.

Личным законом юридического лица в государствах, где закреплена *теория оседлости или нахождения административного центра*, является право страны местонахождения органов управления юридического лица. Названная теория применяется в странах Западной Европы (Австрии, Испании, Франции) [21, с. 405], Египте и ОАЭ [9, с. 276].

Теория центра эксплуатации или места осуществления основной хозяйственной деятельности используется в таких странах, как Индия, Пакистан [10, с. 93] с целью привлечения иностранных инвестиций и осуществления контроля за деятельностью юридических лиц с иностранным участием.

Теория контроля впервые была применена в 1916 г. в деле «*Даймлер кампани лтд*» (*Daimler Co v. Continental Tyre and Rubber Co*) для установления национальности компании, учрежденной в Англии, абсолютное большинство акций

которой (24 999 из 25 000) принадлежало немецким гражданам и только 1 акцией владел британский подданный. Как отмечает В. Л. Толстых, этот критерий позволяет установить «действительную» относимость юридического лица, поскольку при его применении учитывается гражданство участников юридического лица [см.: 21, с. 406].

Отметим, что появилась *тенденция к смешанному использованию критериев личного закона юридического лица*. Согласно статье 25 Закона Украины о МЧП, личным законом юридического лица является право государства его местонахождения (т. е. используется закон инкорпорации). Местонахождением юридического лица является государство, в котором юридическое лицо зарегистрировано или иным образом создано в соответствии с правом этого государства. При отсутствии таких условий или если их невозможно установить, применяется право государства, в котором находится исполнительный орган управления юридического лица (т. е. речь идет о законе оседлости). В соответствии со статьей 25 Закона Италии 1995 г. «Реформа итальянской системы международного частного права» [24] деятельность обществ, ассоциаций, фондов и любых иных организаций как публичного, так и частного характера, в том числе не имеющих корпоративной основы, регулируется правом государства, на территории которого был завершен процесс их учреждения. В случае, если орган управления организации находится в Италии или же в Италии осуществляется основной вид деятельности такой организации, применяется итальянское право.

На наш взгляд, смешанную систему определения личного закона юридического лица следует закрепить и в белорусском законодательстве, установив при этом в качестве основного критерия принцип инкорпорации, а дополнительно — принцип оседлости (может применяться в случае отсутствия законодательного требования регистрации определенной организационно-правовой формы юридического лица).

Закон места нахождения вещи (*lex rei sitae*) — формула прикрепления, которая применяется в отношении права собственности и других вещных прав, а также наследования и договорных обязательств (если предметом является недвижимое имущество).

Первоначально закон места нахождения вещи применялся только в отношении недвижимого имущества. К движимому имуществу применялся личный закон лица, так как считалось, что вещь следует за лицом. Постепенно наметилась тенденция к отказу от этого принципа в пользу более удобного в применении закона места нахождения вещи.

Согласно статье 20.1 Закона Азербайджана о МЧП, пункту 1 статьи 1119 ГК Беларуси, пункту 1 статьи 1107 ГК Казахстана, пункту 1 статьи 1213 ГК Таджикистана, право собственности и другие вещные права на недвижимое и дви-

жимое имущество определяются по праву страны, где это имущество находится, если иное не предусмотрено законодательными актами.

Из вышеупомянутого правила существует *ряд изъятий*. Во-первых, если иное не установлено по соглашению сторон, возникновение и прекращение права собственности и иных вещных прав на имущество, являющееся *предметом сделки*, определяются по праву места совершения сделки (п. 1 ст. 1120 ГК Беларуси) или по праву страны, которому подчинена данная сделка (п. 2 ст. 1108 ГК Казахстана, п. 2 ст. 1194 ГК Кыргызстана, п. 2 ст. 1214 ГК Таджикистана). Отметим, что в законах о МЧП Азербайджана и Украины такого изъятия не содержится: применяется право государства местонахождения имущества. Представляется, такой подход можно привязать и в белорусском праве, поскольку привязка к месту совершения сделки постепенно превращается в архаизм. Во-вторых, право собственности и иные вещные права на *транспортные средства и иное имущество, подлежащие внесению в государственные реестры*, определяются по праву страны, где эти транспортные средства или имущество зарегистрированы (ст. 1121 ГК Беларуси, ст. 1109 ГК Казахстана, ст. 22.1 Закона Азербайджана о МЧП, ст. 40 Закона Украины о МЧП). В-третьих, если иное не установлено соглашением сторон, право собственности и другие вещные права на *движимое имущество, находящееся в пути по сделке*, определяются по праву страны, из которой это имущество отправлено (ст. 1122 ГК Беларуси, ст. 1110 ГК Казахстана, ст. 1196 ГК Кыргызстана). В ряде стран, например Азербайджане (ст. 22.2 Закона о МЧП), некоторых европейских странах, право собственности и другие вещные права на имущество, находящееся в пути, регулируется правом страны места назначения. Полагаем, второй подход применяется для дополнительной защиты слабой стороны правоотношения, т. е. получателя имущества.

Закон, избранный сторонами правоотношения (*lex voluntatis*), представляет собой применение права страны, которое стороны выберут для регулирования частноправовых отношений (автономия воли сторон).

Автономия воли сторон преимущественно используется для регулирования договорных отношений. В настоящее время появилась тенденция к применению данной формулы прикрепления в брачно-семейных и внедоговорных отношениях.

Существуют две теории автономии воли сторон. В большинстве государств используется абсолютная, или неограниченная, автономия воли сторон, которая предполагает возможность выбора права любого государства к частноправовым отношениям. Для сравнения, в ряде стран (например, странах общего права) принцип автономии воли сторон ограничен правом государства, с которым правоотношение имеет связь (теория «ограниченной» автономии воли сторон).

В Республике Беларусь отношение к автономии воли сторон очень либерально. Так, статья 1124 ГК наделяет стороны договора правом выбрать применимое право к договору, если это не противоречит законодательству. Стороны договора могут избрать применимое право любого государства или совокупность правовых норм (международные соглашения, *lex mercatoria* и др.); во время заключения договора или в последующем (т. е. в любое время); для всего договора в целом или отдельных его частей; в письменной или устной форме (необходимо, чтобы соглашение сторон было явно выражено или прямо вытекало из условий договора и обстоятельств дела, рассматриваемых в их совокупности). ГК Беларуси предусматривает ограничение воли сторон лишь в нескольких случаях (п. 2 ст. 1125). Отметим, что автономия воли сторон не должна идти вразрез с механизмами ограничения коллизионного метода: сверхимперативными нормами, публичным порядком и обходом закона.

Принцип автономии воли сторон закреплен в ряде международных конвенций и соглашений, таких как Конвенция 1955 г. о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, Конвенция 1986 г. о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, регламенты Рим I [22] и Рим II [23], Минская и Кишиневская конвенции, Киевское соглашение 1992 г. Основными характерными чертами автономии воли сторон в международных соглашениях являются: различные формы выражения согласия лиц на выбор применимого права (воля, явно выраженная в договоре, прямо вытекающая из условий договора, поведение сторон или совокупность обстоятельств дела); допущение ограничения автономии воли сторон посредством сверхимперативных норм страны суда и в силу оговорки о публичном порядке.

Закон места совершения акта (*lex loci actus*) является обобщенной формулой прикрепления, которая означает применение права страны, на территории которой имел место частноправовой акт. В зависимости от этого *lex loci actus* конкретизируется в ряде коллизионных привязок: *lex loci contractus*; *lex loci solutionis*; *lex loci celebrationis*; *lex loci delicti commissi*.

Закон места заключения сделки (*lex loci contractus*) — формула прикрепления, которая означает применение права страны места совершения сделки. Коллизионная привязка используется в сфере договорных отношений.

Применение *lex loci contractus* стало затруднительным с появлением современных средств связи, поскольку большинство договоров заключается посредством переписки. Сложность в применении рассматриваемой формулы прикрепления состоит в том, что законодательство зарубежных государств по-разному определяет место заключения сделки. В США, Великобритании, Индии и Японии используется концепция «почтового ящика», согласно которой сдел-

ка считается заключенной в месте отправления акцепта. В большинстве государств континентальной Европы (в том числе и Беларуси) сделка является совершенной в месте получения акцепта (аналогичный принцип закреплен в Венской конвенции 1980 г. «О договорах международной купли-продажи товаров»). Так, если акцепт будет отправлен из Японии в Беларусь, то, согласно праву Японии, сделка будет совершена в Японии, а в соответствии с законодательством Беларуси — в Беларуси. В случае, если акцепт отправлен из Беларуси в Японию, то в соответствии с правом Японии сделка совершена в Беларуси, а согласно законодательству Беларуси — в Японии. Поэтому в сложившейся ситуации ключевой момент — суд какого государства будет рассматривать спор, поскольку он будет применять коллизионные нормы места рассмотрения спора.

Закон места заключения сделки становится малоприменимым также в связи с тем, что он не всегда отражает связь сделки с местом ее совершения. По праву Беларуси (пп. 2 п. 3 ст. 1125 ГК) сделка, заключаемая между юридическими лицами Беларуси и Великобритании на бирже в Германии, будет считаться заключенной в Германии. Исходя из этого очевидна тенденция отхода от применения *lex loci contractus*.

В белорусском праве *lex loci contractus* используется в ряде случаев: при определении формы сделки (п. 1 ст. 1116 ГК), кроме определения формы сделки в отношении недвижимого имущества (п. 3 ст. 1116 ГК), формы и срока действия доверенности (ст. 1117 ГК); для определения возникновения и прекращения права собственности и иных вещных прав на имущество, являющееся предметом сделки (п. 1 ст. 1120 ГК). Представляется, закон места совершения сделки не должен выступать в качестве единственной привязки при определении формального статута. Удачным примером использования альтернативных формул прикрепления является Регламент Рим I (ст. 11), который кроме *lex loci contractus* допускает также применение в рассматриваемых случаях *lex causae*, а также право места нахождения или места жительства каждой из сторон договора. На наш взгляд, этот положительный опыт следует перенять белорусскому законодателю.

Закон места исполнения обязательства (*lex loci solutionis*) представляет собой коллизионную привязку, которая означает применение права страны, где подлежит исполнению обязательство, вытекающее из договора. Например, в национальном законодательстве государств *lex loci solutionis* закреплен в качестве субсидиарной формулы прикрепления в отношении приемки исполнения по договору — пункт 5 статьи 1125 ГК Беларуси, пункт 5 статьи 1113 ГК Казахстана, пункт 6 статьи 1219 ГК Таджикистана. В доктрине МЧП разновидностью *lex loci solutionis* выступает концепция решающего исполнения (п. 4 ст. 1125 ГК Беларуси, п. 4 ст. 1113 ГК Казахстана, п. 5 ст. 1219 ГК Таджикистана).

Закон места совершения брака (lex loci celebrationis) означает применение права страны, на территории которой заключен брак. Формула прикрепления используется исключительно в брачно-семейных отношениях. Закон места совершения брака может применяться к материальным условиям вступления в брак и форме его заключения.

В большинстве государств *lex loci celebrationis* применяется в отношении формы заключения брака; однако в ряде стран — и к материальным условиям вступления в брак. Например, в Беларуси заключение брака граждан Республики Беларусь с иностранными гражданами или лицами без гражданства осуществляется в соответствии с белорусским законодательством (ч. 1 ст. 229 КоБС [11]). Это означает, что должны соблюдаться условия, форма и порядок, установленные КоБС. Данная коллизионная привязка не соответствует мировой тенденции, так как для определения материальных условий вступления в брак к иностранному гражданину применяется иностранный закон. Такой подход также имеет место в Договоре о правовой помощи между Республикой Беларусь и Литовской Республикой 1993 г. [7].

Представляется, применение *lex loci celebrationis* к материальным условиям вступления в брак может быть оправдано, если речь идет о схожих правовых системах. Примером может послужить заключенная скандинавскими странами в 1931 г. Конвенция о международном частном праве брака, усыновления и опеки.

Закон места совершения брака, будучи удобным в применении, порождает ряд проблем, если он применяется к материальным условиям вступления в брак: возможность обхода закона и возникновения «хромоающих» отношений. В отношении формы заключения брака *lex loci celebrationis* является основной коллизионной привязкой и соответствует современной тенденции развития МЧП.

Закон места причинения вреда (lex loci delicti commissi) применяется для выбора права страны, которое призвано регламентировать обязательства, возникающие вследствие причинения вреда.

Проблемой применения *lex loci delicti commissi* является неоднозначное определение места причинения вреда в законодательстве зарубежных государств. Согласно одному подходу, закрепленному в пункте 1 статьи 1129 ГК Беларуси, пункте 1 статьи 1117 ГК Казахстана, пункте 1 статьи 1225 ГК Таджикистана, под местом причинения вреда понимается место, где было совершено действие, послужившее основанием для требования возмещения вреда; в соответствии с другим подходом — право страны, где наступает вред (ч. 1 ст. 4 Регламента Рим II).

Закон места причинения вреда является основной, но не единственной коллизионной привязкой в отношении внедоговорных обязательств. Специальные формулы прикрепления, отличные от *lex loci delicti commissi*, применяются для случаев ответственности за вред, причи-

ненный: дорожно-транспортным происшествием; недостатками товаров, работ и услуг; недобросовестной конкуренцией и действиями, ограничивающими свободную конкуренцию; посягательством на честь и достоинство. Закон места причинения вреда закреплен в Гаагской конвенции 1971 г. «О праве, применимом к дорожно-транспортным происшествиям», Гаагской конвенции 1973 г. «О праве, применимом к ответственности изготовителя», Киевском соглашении 1992 г., Минской и Кишиневской конвенциях. Кроме этого, Регламент Рим II в статье 4 закрепляет возможность автономии воли сторон во внедоговорных обязательствах. Белорусскому законодателю данную положительную тенденцию развития МЧП следует использовать при разработке концепции отечественного закона об МЧП.

Закон страны продавца (lex venditoris) представляет собой право страны, принадлежность к которой имеет продавец. В доктрине международного МЧП принято рассматривать закон страны продавца в «узком» и широком смысле. В «узком» смысле *lex venditoris* применяется только к договорам купли-продажи, права и обязанности сторон которого регулируются правом страны, где находится или осуществляет свою деятельность продавец. Такой подход закреплен, например, в Конвенции 1955 г. «О праве, применимом к международной купле-продаже товаров» и Конвенции 1986 г. «О праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров». В широком смысле закон страны продавца означает применение права страны, где находится сторона, чье исполнение по договору имеет решающее значение для содержания договора (в данном случае речь идет не только о договоре купли-продажи, но и о договоре подряда, аренды, ссуды, поручения и т. д.). В таком виде *lex venditoris* закреплен в Регламенте Рим I и современном национальном законодательстве государств — пункт 1 статьи 1125 ГК Беларуси, пункт 1 статьи 1113 ГК Казахстана, пункт 1 статьи 1219 ГК Таджикистана, часть 1 статьи 44 Закона Украины о МЧП.

Закон места работы (lex loci laboris) используется для решения коллизии законов в сфере трудовых отношений. Исключения: трудовые отношения лиц, работающих на воздушных и водных судах; трудовые отношения, связанные с работой в заграничных командировках; трудовые отношения лиц, работающих в международных организациях, дипломатических представительствах и консульских учреждениях.

В законодательстве зарубежных стран, а также в наднациональном праве (ст. 8 Регламента Рим I) *lex loci laboris* выражен как закон страны, в которой работник обычно выполняет свою работу; закон страны, где наниматель осуществляет свою предпринимательскую деятельность. Более того, Регламент Рим I допускает применение автономии воли сторон к индивидуальным трудовым договорам.

В белорусском праве вопросы трудовых отношений решаются по односторонней коллизионной привязке, т. е. применяется право Республики Беларусь. Считаю целесообразным ввести в Трудовой кодекс Республики Беларусь ряд иерархически выстроенных формул прикрепления в данной сфере: автономию воли сторон; право страны, в которой работник обычно выполняет свою работу; право страны, где наниматель осуществляет свою предпринимательскую деятельность; закон наиболее тесной связи.

Закон флага (*lex flagi*) означает право страны, флаг которой несет судно.

Закон флага используется в отношении водных, воздушных и космических судов. Законом флага регулируются вопросы права собственности и иных вещных прав на судно, правовое положение членов экипажа, пределы ответственности судовладельца. Закон флага нашел отражение в Кодексе торгового мореплавания Республики Беларусь.

Закон страны суда (*lex fori*) означает право страны, где рассматривается частноправовой спор. Обращение к закону страны суда может достигаться посредством прямого указания в коллизионной норме (п. 5 ст. 1104, ст. 1105 ГК Беларуси) или путем применения односторонних коллизионных норм (п. 2 ст. 1125 ГК Беларуси, ч. 1 ст. 229 КоБС).

Применение права страны суда удобно для судей (применимым правом является национальное право судьи), но использование *lex fori* не должно носить массовый характер при разрешении коллизионных проблем (злоупотребление законом страны суда противоречит сущно-

сти МЧП). Формулу прикрепления *lex fori* следует отличать от принципа страны суда, который используется в международном гражданском процессе (суд при рассмотрении дел с участием иностранного элемента применяет свои национальные процессуальные нормы).

Закон, регулирующий существо отношений (*lex causae*), означает право страны, которое регулирует существо отношений.

Примером закрепления *lex causae* в коллизионных нормах Республики Беларусь является статья 1118 ГК: исковая давность определяется по праву страны, применяемому для регулирования соответствующего отношения. Аналогичная норма закреплена в статье 1208 ГК Российской Федерации, пункте 1 статьи 1106 ГК Казахстана.

Таким образом, классические типы коллизионных привязок имеют место во всех современных актах иностранных государств по МЧП. Особый интерес представляют их модификации и изъятия, направленные на более удобное и эффективное применение традиционных формул прикрепления. Белорусскому законодателю целесообразно обратить внимание на прогрессивный опыт зарубежных государств и международных организаций в применении формул прикрепления: расширение сферы действия автономии воли сторон; использование смешанного подхода к закону юридического лица; применение в отношении формы и срока доверенности не только *lex loci contractus*, но и *lex causae*, а также права места жительства или места нахождения лица; введение иерархически выстроенных коллизионных привязок в области трудовых отношений.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.; одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст по сост. на 29 дек. 2011 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2011.
2. Гражданский кодекс Республики Казахстан: Кодекс Респ. Казахстан от 1 июля 1999 г. № 409-1 ЗРК: текст по сост. на 29 дек. 2011 г. [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2011.
3. Гражданский кодекс Республики Кыргызстан: Кодекс Респ. Кыргызстан от 5 янв. 1998 г.: текст по сост. на 29 дек. 2011 г. [Электронный ресурс] // Там же.
4. Гражданский кодекс Республики Молдова от 6 июня 2002 г. № 1107-XV: текст по сост. на 29 дек. 2011 г. [Электронный ресурс] // Там же.
5. Гражданский кодекс Республики Таджикистан (часть третья): Кодекс Респ. Таджикистан от 1 марта 2005 г. [Электронный ресурс] // Там же.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): принят Гос. Думой 1 нояб. 2001 г.; одобр. Советом Федерации 14 нояб. 2001 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». — М., 2011.
7. Договор между Республикой Беларусь и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, 20 окт. 1992 г. // Ведымастці Вярхоў. Савета Рэсп. Беларусь. — 1993. — № 17. — Ст. 202.
8. Звеков, В. П. Коллизии законов в международном частном праве / В. П. Звеков. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 416 с.
9. Звеков, В. П. Международное частное право / В. П. Звеков. — 2-е изд., перер. и доп. — М.: Юристъ, 2004. — 701 с.
10. Канашевский, В. А. Международное частное право: учебник / В. А. Канашевский. — М.: Междунар. отношения, 2006. — 698 с.
11. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-3: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.; одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: текст по сост. на 29 дек. 2011 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2011.
12. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 янв. 1993 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2010.
13. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, 7 окт. 2002 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2003. — № 73. — 2/956.
14. Конвенция СНГ о транснациональных корпорациях от 6 марта 1998 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2011.

15. Леанович, Е. Б. Международное частное право: учеб. пособие / Е. Б. Леанович. — Минск: ИВЦ Минфина, 2008. — 360 с.
16. Международное частное право: учебник / Л. П. Ануфриева, К. А. Бекашев, Г. К. Дмитриева; отв. ред. Г. К. Дмитриева. — 2-е изд., перер. и доп. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. — 688 с.
17. О международном частном праве: Закон Азербайджанской Респ. от 6 июня 2000 г. № 889 ІГ [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2011.
18. О международном частном праве: Закон Украины от 23 июня 2005 г. № 2709 VI [Электронный ресурс] // Там же.
19. Савченко, М. И. Международное частное право: учеб. пособие / М. И. Савченко [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. — Минск, 2011.
20. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности от 19 дек. 1992 г. [Электронный ресурс] // Там же.
21. Толстых, В. Л. Международное частное право: коллизионное регулирование / В. Л. Толстых. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. — 526 с.
22. Regulation (EC) N 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) // Official Journal of the European Union. — 2008. — Vol. 51, L 177. — P. 6–16.
23. Regulation (EC) N 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the law applicable to non-contractual obligations (Rome II) // Ibid. — 2007. — Vol. 50, L 199. — P. 40–49.
24. Riforma del sistema italiano di diritto internazionale private: Legge, 31 Maggio 1995, № 218 [Electronic resource] // Ministero degli Affari Esteri. — Mode of access: <http://www.esteri.it/mae/doc/L218_1995.pdf>. — Date of access: 03.10.2011.

«Классические типы коллизионных привязок» (Наталья Байбороша)

Статья посвящена определению роли и места классических типов коллизионных привязок в современном международном частном праве на примере новейших нормативных правовых актов в исследуемой области. Особый интерес представляют модификации и изъятия в формулах прикрепления, направленные на более удобное и эффективное применение коллизионных норм на практике.

«Adherence Classical Types» (Natallia Baibarosha)

The article is devoted to the role and place determination of the adherence classical types in modern private international law by the example of the latest normative legal acts in the sphere researched. Special attention is paid to the adherence modifications and exceptions which are directed at more convenient and effective application of conflict rules in practice.

Статья поступила в редакцию в декабре 2011 г.